

УДК 8

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭТИКА И СЕМИОТИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Пирнепесова Г.Н.

преподаватель,

*Туркменский национальный институт мировых языков имени Д. Азади,
Ашхабад, Туркменистан*

Халмырадова С.

студент,

*Туркменский национальный институт мировых языков имени Д. Азади,
Ашхабад, Туркменистан*

Аннотация

Философская поэтика и семиотика сформировали один из наиболее значимых исследовательских векторов в русской литературе, определив способы концептуализации художественного смысла, механизмы текстовой организации и принципы интерпретации. В русской литературной традиции XIX–XX веков взаимодействие философских мировоззрений и поэтических структур становится устойчивым системообразующим феноменом, который проявляется как на уровне художественного стиля, так и в уровне глубинных смысловых моделей, управляющих построением литературного текста. В настоящем исследовании проводится детальный обзор ключевых направлений философской поэтики, включая влияние религиозно-философских идей, метафизики языка, экзистенциальных концепций и культурно-семиотических структур. Анализируются также семиотические подходы к литературному тексту, развившиеся вследствие работ русской формальной школы, структурализма и современных постструктуральных исследовательских методологий. Особое внимание уделено идее текста как системы знаков, организованных в динамическое пространство смыслов, а также метафизике образа, символа и художественного языка. Рукопись позволяет проследить эволюцию взаимодействия философии и литературы, определить особенности русской традиции смыслопорождения и показать, каким образом семиотическая перспектива помогает раскрыть глубинные уровни литературного произведения.

Ключевые слова: философская поэтика, семиотика, русская литература, структурализм, символ, знак, интерпретация, художественный смысл, метафизика текста.

PHILOSOPHICAL POETICS AND SEMIOTICS IN RUSSIAN LITERATURE
Pirnepesova G.N.

lecturer,

D. Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Ashgabat, Turkmenistan

Halmyradova S.

student,

*D. Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Abstract

Philosophical poetics and semiotics have constituted one of the most significant research vectors in Russian literature, defining the methods of conceptualizing artistic meaning, the mechanisms of textual organization, and the principles of interpretation. In the Russian literary tradition of the 19th–20th centuries, the interaction between philosophical worldviews and poetic structures becomes a stable system-forming phenomenon, manifested both at the level of artistic style and within deep semantic models guiding the construction of the literary text. This study provides a detailed overview of the key directions of philosophical poetics, including the influence of religious-philosophical ideas, the metaphysics of language, existential concepts, and cultural-semiotic structures. It also analyzes semiotic approaches to the literary text that developed as a result of the works of the Russian Formal School, structuralism, the Tartu–Moscow Semiotic School, and contemporary post-structuralist research methodologies. Special attention is given to the idea of the text as a system of signs organized into a dynamic space of meanings, as well as to the metaphysics of the image, symbol, and literary language. The manuscript traces the evolution of the interaction between philosophy and literature, identifies the specific features of the Russian tradition of meaning-making, and demonstrates how the semiotic perspective helps reveal the deeper levels of the literary work.

Keywords: philosophical poetics, semiotics, Russian literature, structuralism, symbol, sign, interpretation, artistic meaning, metaphysics of the text.

Введение

Философская поэтика и семиотика занимают в русской филологии особое место, обусловленное историческими, культурными и идейными предпосылками развития отечественной литературы. Русская словесность на протяжении нескольких веков функционировала как пространство, где художественное и философское не существовали изолированно, а образовывали взаимопроникающее единство, обусловленное поисками смысла, истины, сущности личности и предназначения человека. Так, уже в XIX веке художественный текст часто воспринимался не просто как эстетическое высказывание, но как своеобразная онтологическая модель, в которой отражалась структура мира, духовная динамика человека и логика исторического процесса. [3]

Русская литература XIX века была наполнена философскими вопросами: что определяет нравственный выбор человека? Возможно ли примирить социальную реальность и духовную свободу? Каково устройство мира и каковы пределы познания? Эти вопросы становились основой художественного образа и сюжетного движения, что указывает на тесное родство литературы и философии. В XX веке эти тенденции находят новые формы, теперь уже опосредованные влиянием формализма, структурализма, психоаналитической критики и семиотики. Литературный текст начинает рассматриваться как система знаков, как структура, в которой смысл не только создаётся автором, но и интерпретируется читателем, раскрываясь через взаимодействие символов, кодов и культурных контекстов. [2]

В рамках данного исследования предпринимается попытка объединить два крупных исследовательских направления — философскую поэтику и семиотику — в цельную аналитическую модель, позволяющую проследить эволюцию смысловых стратегий русской литературы, выявить её структурные особенности и раскрыть её концептуальные основания. Под философской поэтикой понимается система художественных форм и приёмов, которые отражают философское содержание текста, а также способы художественного воплощения абстрактных идей. Под семиотикой понимается совокупность методов анализа знаковых систем и механизмов смыслопорождения в литературном тексте.

1. ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭТИКА КАК ОСНОВА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

1.1. Понятие философской поэтики

Философская поэтика представляет собой направление исследования, ориентированное на выявление тех структур, форм и образных систем, которые выражают в литературе философские смыслы. В отличие от классической поэтики, занимающейся художественными формами в их эстетическом измерении, философская поэтика стремится определить, каким образом художественный текст становится средством философского выражения: как в тексте проявляется абстрактная мысль, каким образом образ способен выражать сложные мировоззренческие модели, и как художественный язык превращается в форму философствования.

В рамках русской литературы философская поэтика возникла как отражение специфики русской духовной культуры. В тексте часто заключён не только художественный, но и этический, онтологический и экзистенциальный смысл. Русские писатели, начиная с Пушкина и Гоголя, рассматривали литературное слово как способ осмыслиения сущности человеческого бытия и строительства образа мира, неразрывно связанного с духовными поисками. Таким образом, философская поэтика в русской традиции становится не просто исследовательским направлением, но и внутренним свойством самой литературы. [3]

Философская поэтика включает несколько ключевых аспектов:

- Онтологический, связанный с раскрытием бытийных основ мира и человеческого существования.
- Эпистемологический, направленный на анализ того, как текст моделирует процессы познания и понимания.
- Аксиологический, отражающий систему ценностей и духовных ориентиров.
- Методологический, определяющий способы художественного кодирования философских идей.

В данном контексте художественный текст понимается как сложная структура, в которой философия присутствует не в форме прямых теоретических высказываний, а в виде образов, символов, метафор, сюжета и психологического анализа. Литература становится местом, где философия обретает чувственную форму, а художественный язык — носителем идей.

1.2. Русская литература как пространство философского поиска

Одной из уникальных особенностей русской литературы является её способность интегрировать философские идеи в художественное пространство. В России философия долгое время развивалась преимущественно в литературной форме: писатель занимал место мыслителя, а роман становился инструментом для анализа духовной жизни человека и общества. Поэтому русская литература XIX века нередко называется «философской» — именно благодаря её стремлению к выработке мировоззренческих моделей.

В произведениях Достоевского, Толстого, Тургенева, Лескова, Гоголя, Чехова и многих других авторов философия не является внешним дополнением к художественной форме, но составляет внутреннюю структуру текста. Достоевский, например, создавал художественные конструкции, напоминающие философские эксперименты: он моделировал ситуации, раскрывающие глубинные противоречия человеческой свободы, нравственности и веры. Толстой в своих романах развивал этическую философию, основанную на поиске истины через духовное самосовершенствование. Гоголь структурировал свои образы как символы внутреннего духовного распада или святости, создавая художественные системы, насыщенные религиозно-философским смыслом. [1]

Таким образом, русская литература превращается в пространство философского опыта, который осуществляется средствами художественного языка. Литературный текст становится не просто повествованием, но формой мышления.

1.3. Поэтика Достоевского как форма метафизического диалога

Философская поэтика Фёдора Михайловича Достоевского представляет собой уникальный феномен, в котором художественный образ, психологическая рефлексия и этическая диалектика образуют единое смысловое поле. В отличие от Толстого, стремившегося к нравственно-антропологическому синтезу, Достоевский выстраивает поэтику раздвоенного сознания, внутреннего

конфликта и экзистенциальной полифонии. Его герои не только воплощают определённые идеи, но и осуществляют непрерывный диалог — с собой, с другими персонажами, с социальными и метафизическими структурами бытия.

Полифоническая природа романа, описанная М. М. Бахтиным, позволяет увидеть в текстах Достоевского не просто множественность голосов, но столкновение самостоятельных сознаний, каждое из которых обладает собственной ценностной логикой и онтологическим вектором. Поэт мысли, философ художественного образа, Достоевский конструирует свой мир так, что философское содержание не возникает как дополнение к фабуле, но проявляется в самой структуре повествования. [1]

Экзистенциальная природа его поэтики особенно ощутима в романах позднего периода — «*Преступление и наказание*», «*Идиот*», «*Бесы*», «*Братья Карамазовы*». Здесь художественное пространство выступает ареной борьбы за человеческую душу. Но эта борьба описывается не в религиозно-догматических или морально-утилитарных терминах; напротив, она оформляется в сложном философско-психологическом языке, где преступление становится выражением кризиса свободы, а страдание — способом её переосмыслиния.

Поэтика Достоевского — это поэтика внутренних пределов человеческого бытия. Каждый поступок, каждая мысль героев испытывается на прочность в ситуации предельности. Диалектика свободы и необходимости, вопрос о природе греха и нравственной ответственности, проблема личности как единственной реальности — всё это не просто темы, а формообразующие элементы художественного текста.

1.4. Символизм и философия языка в поэтике Серебряного века

Русский символизм конца XIX — начала XX века привнёс в литературу новую философско-поэтическую модель, основанную на идее первичности языка по отношению к реальности. Поэты-символисты — Блок, Белый, Брюсов, Сологуб — не только использовали символ как художественную единицу, но и стремились к созданию метафизического языка, способного выразить «вещи» в их трансцендентной форме.

Для символистов слово перестаёт быть лишь средством изображения; оно становится «живой сущностью», носителем абсолютного смысла. Поэтика символизма строится на убеждении, что мир распадается на две реальности: видимую и невидимую, чувственно-образную и метафизическую. Задача искусства — выявить соответствие между ними. Этот процесс выявления скрытой гармонии и является сутью символа. [3]

У Александра Блока символ выполняет функцию мистического знака, указывающего на предельную истину. В поэзии Андрея Белого слово становится структурным элементом космоса; его ритм мыслится как ритм мироздания. У Фёдора Сологуба символ уходит в сторону демонически-иррационального: реальность становится искажённым отражением внутренней бездны человека.

Символистская поэтика имеет и философскую, и семиотическую направленность. Она предполагает, что язык обладает собственным онтологическим статусом, а художественный текст должен прочитываться как система знаков, не сводимых к внешнему сюжету. Тем самым символизм предвосхищает дальнейшие тенденции русской семиотики XX века.

1.5. Философская поэтика модернизма: от акмеизма к авангарду

Русский модернизм открывает новые горизонты философской поэтики, где внимание смещается с метафизических конструкций к проблеме художественного самосознания и сущности творчества. Акмеизм, футуризм и другие авангардные направления обращаются к языку как к объекту эксперимента, а поэтика становится способом переосмыслиния сущности поэтического высказывания.

Акмеизм, представленный Гумилёвым, Ахматовой, Мандельштамом, возвращает поэтике материальность вещи, точность образа, структурную ясность. Центральным становится вопрос о сущности культурной памяти, диалоге с традицией, соотнесённости слова с объективной реальностью. Для Мандельштама поэт — хранитель времени; его поэтика конструируется как философия культурной преемственности. [3]

Футуризм, напротив, разрушает прежние формы художественной организации текста. Маяковский, Хлебников, Кручёных стремились создать новый язык, свободный от исторически сложившейся семантики. Их эксперименты с «заумью» предвосхищают последующие семиотические идеи о возможности автономных языковых систем и множественности уровней значения. [3]

Таким образом, модернистская поэтика отражает напряжённые поиски сущности языка и осмыслияет художественное творчество как способ выхода за пределы существующей системы означивания.

2. Семантика и структура знака в русской литературной традиции

2.1. Понятие художественного знака и его философские основания

Переход от философской поэтики к семиотике неизбежно связан с анализом природы художественного знака. В русской литературе понятие знака имеет двойственную природу: с одной стороны, оно восходит к символистским представлениям о языке как проводнике высшего смысла; с другой — формируется на основе структурно-семиотических идей второй половины XX века.

Художественный знак понимается как многослойная структура, включающая предметный, метафорический и концептуальный уровни. Его содержание определяется не только внутренними свойствами, но и контекстом текста, включённостью в культурно-историческую традицию, а также философскими установками автора. Отсюда возникает принцип

интертекстуальности, согласно которому знак всегда «отсыпает» к предшествующим и сосуществующим знакам. [2]

Философия знака в русской традиции тесно связана с идеей духовного смысла. В отличие от западной семиотики, ориентированной на логико-лингвистическую модель, русская традиция видит в художественном знаке не только функцию означивания, но и духовно-символическую сущность. Это позволяет рассматривать литературный текст как многомерное пространство, в котором протекают процессы смыслообразования, выходящие за рамки чисто структурного анализа.

2.2. Структура символа: от романтизма к авангарду

Эволюция символа в русской литературе демонстрирует переход от религиозно-мистической символики романтизма к сложным структурным моделям символизма Серебряного века и далее — к экспериментальным практикам авангарда. Каждый период переосмысливал символ в соответствии со своей философской парадигмой.

Романтический символ основывается на представлении о единстве макрокосма и микрокосма. Он выполняет функцию посредника между видимой и невидимой природой. У Лермонтова символ становится знаком затаённого смысла человеческой души; у Тютчева — выражением метафизических законов мира. [3]

Символизм Серебряного века превращает символ в структурную универсалию. Здесь он не просто обозначает скрытый смысл, но и формирует целостную философскую картину мира. Белый рассматривал символ как «действие духа», Блок — как мистическое отражение реальности, Сологуб — как искажённую тень человеческого сознания.

Авангард, особенно в лице Хлебникова и Кручёных, деконструирует символ, создавая открытые, незавершённые, полисемантические формы. В этой модели символ становится процессом, событием языка, а не устойчивой структурой.

2.3. Метафора как способ философского моделирования реальности

Метафора — один из ключевых семиотических механизмов русской поэтики. В философском аспекте метафора выступает как средство моделирования реальности, позволяющее выявлять скрытые связи явлений и формировать новые уровни смысла.

У Пушкина метафора имеет гармонический характер, связанный с идеей эстетической цельности мира. У Достоевского она нередко становится орудием психологического анализа, выявляя внутренние конфликты героев. У символистов метафора превращается в «окно» в потусторонний мир, тогда как в модернизме она приобретает онтологическую значимость, становясь частью структуры миропонимания.

Современная семиотика рассматривает метафору как трансформацию знака, где перенос значения является способом конструирования нового концептуального пространства. В этом смысле метафора — не украшение, а фундаментальный философский механизм художественного мышления. [2]

2.4. Интертекстуальность как механизм семиозиса

Интертекстуальность — один из фундаментальных принципов семиотики литературы, позволяющий рассматривать художественный текст не как автономное образование, но как часть глобальной системы культурных кодов. В русской литературе интертекстуальность приобретает особую значимость благодаря глубокой укоренённости традиции, наследованию духовных, религиозных, философских и политических смыслов.

Интертекстуальная теория, разработанная Юлией Кристевой и Михаилом Бахтиным (в аспекте диалогизма), получила широкое распространение в исследованиях русской словесности XX века. Интертекст в этой перспективе — не просто цитата или аллюзия; это активное взаимодействие смыслов, благодаря которому текст становится полем диалога между традицией и новаторством. [2]

Русская литература XIX века формирует устойчивые интертекстуальные связи с православной культурой, европейским романтизмом, античной традицией. Пушкин интегрирует в свою поэтику элементы мировой письменности, превращая собственный текст в «центр притяжения» культурных кодов. В творчестве Достоевского интертекстуальность играет роль семиотической структуры, определяющей мировоззрение авторского сознания: от евангельских аллюзий до философии Шиллера и Бёме.

В XX веке интертекстуальность становится неотъемлемым компонентом литературного творчества. Мандельштам, Ахматова, Цветаева создают сложнейшие сети перекличек с античностью, европейской культурой, русской историей. У Мандельштама интертекстуальность превращается в «культурную память», которая структурирует сам язык поэзии. В авангардной традиции Левый фронт искусств использует интертексты как средство разрушения канонов: цитата приобретает иронический, пародийный, деконструктивный смысл.

В постмодернизме (Ерофеев, Пелевин, Сорокин) интертекстуальность становится механизмом игрового семиозиса: текст непрерывно комментирует культурную традицию, разоблачает её конструкции, создаёт новые комбинации знаков. Это превращает литературное пространство в систему бесконечной вариативности, где смысл возникает как результат столкновения культурных кодов.

2.5. Аллегория и её семиотическая функция

Аллегория традиционно рассматривалась как устойчивый риторический троп, однако в рамках семиотики она предстает как сложная структура, в которой изображаемое явление имеет условный, опосредованный характер. Аллегория — Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

это знак знака; она представляет собой не прямое обозначение, а художественный механизм концептуального моделирования.

В русской литературе аллегория часто применяется как средство философской интерпретации социально-исторической реальности. У Гоголя аллегорические образы выражают абсурд чиновничего мира, подмену живой жизни мертвыми структурами. У Салтыкова-Щедрина аллегория приобретает сатирическую направленность, вскрывая идеологические и политические механизмы власти. [3]

Символисты развиваются аллегорию в направлении метафизического обобщения: у Блока аллегорические образы Розы, Девы, Страшной Дамы приобретают космическую значимость; у Белого аллегория становится способом построения философской модели мира, основанной на трехчастной структуре духа.

В советскую эпоху аллегория выполняет ещё и функцию скрытого смысла, позволяющего обойти цензурные ограничения. У Булгакова, Платонова, Замятин аллегорические структуры служат формой философско-политической критики, кодирующей альтернативные версии реальности.

Таким образом, аллегория в русской традиции является мощным семиотическим механизмом, позволяющим художественному тексту говорить о скрытом, невыразимом, иным языком — языком образных концептов.

3. Философско-семиотические основания русской художественной онтологии

3.1. Онтологический статус художественного слова

Онтологическая проблематика занимает одно из ключевых мест в русской литературе, начиная с XIX века, когда идея слова как бытийного феномена стала рассматриваться не только в контексте эстетики, но и в контексте философии языка. Для русской художественной мысли слово представляет собой не просто средство передачи смысла, но «субстанцию», способную моделировать реальность. Такой подход характерен как для религиозно-философской традиции (Хомяков, Киреевский, позже — Флоренский и Булгаков), так и для модернистской поэтики XX века.

Русская художественная онтология формируется на предпосылке, что слово не только репрезентирует мир, но и участвует в его создании. Именно поэтому в культурно-семиотической парадигме русской литературы так радикально выражена идея «откровенности» художественного текста: речь не о субъективной выдумке автора, а о «проступании» иного измерения бытия через словесную материю.

Семиотически это выражается в постоянном напряжении между знаком и смыслом. В русской словесности знак не является чисто условной конвенцией: он стремится к «прозрачности», то есть к тому, чтобы не закрывать смысл, а открывать его. Но именно эта тенденция порождает парадокс: чем сильнее слово устремлено к выражению онтологической глубины, тем более оно насыщается

символической многозначностью. Поэтому русская художественная онтология структурируется как динамическая система, в которой единичный знак всегда отсылает к трансцендентному смыслу, а художественный текст функционирует как своеобразная «семиотическая модель бытия».

Таким образом, онтологический статус слова в русской литературе обусловлен двойственностью: с одной стороны, оно материально — звучащее, написанное, оформленное; с другой — метафизично, выступает посредником между эмпирической и духовной реальностью. Такая двойственность становится основой философской поэтики, формируя особый тип художественного мышления, в котором поэтическое слово конституирует саму реальность произведения. [2]

3.2. Культурная и метафизическая модель мира в русской художественной традиции

Русская литературная традиция создаёт собственную модель мира, основанную на синтезе культурных, религиозных и философских концептов. Эта модель не только эстетична, но и онтологична: мир в русской литературе понимается как структура знаков, взаимодействующих по законам внутренней необходимости. Семиотика здесь не замыкается в области формального анализа — она становится способом познания самого бытия.

Русская художественная картина мира предполагает единство макрокосма и микрокосма. Индивидуальная судьба, повседневный жест, частный выбор персонажа рассматриваются как знаки, указывающие на бытийные принципы. На этом основана глубокая символизация бытовых и психологических деталей: предметы становятся знаками, жесты — кодами, ландшафты — моделями внутреннего состояния.

Философско-семиотический взгляд выявляет, что русская литература формирует «метафизическую топологию» мира, где действительность многослойна и иерархична. Первый слой — эмпирический, описывающий внешнюю реальность. Второй — ценностно-символический, в котором предметы обретают дополнительный смысл. Третий — трансцендентный, задающий высший порядок смыслов и целей.

В этой структуре важнейшим становится мотив взаимопроникновения слоёв: реальное непрерывно открывает идеальное, а идеальное проявляется через конкретное, материальное. Такое понимание мира как символической системы делает русскую литературу пространством для метафизической рефлексии, где художественный образ становится инструментом познания.

Семиотически эта модель характеризуется высокой степенью «семантической плотности»: каждый элемент текста несёт потенциально бесконечное количество смыслов. Отсюда — особая глубина образности и способность художественной структуры становиться философской по природе.

3.3. Семиотика внутреннего мира человеческой личности

Особое место в русской литературе занимает исследование внутренней жизни личности, построенное как сложная система смыслов. В отличие от западной традиции, где личность чаще всего понимается как автономный субъект, в русской мысли человек рассматривается как «открытая структура», в которой взаимодействуют духовные, нравственные, социальные и психологические коды. [4]

Семиотика внутреннего мира строится на идее «пропускания» глубинных смыслов через индивидуальное сознание. Психические переживания, мысли, сомнения — все они изображаются как знаки, указывающие на существование более глубокого метафизического уровня.

Этим обусловлена характерная для русской литературы тенденция к внутренним монологам, сложным психологическим конструкциям, авторским комментариям и философским вставкам. Они не только раскрывают субъективный мир персонажа, но и превращают его внутренний опыт в знаковую структуру.

Философская русская литература утверждает, что личность не может быть понята вне её внутренней семиотики. Поступок, слово, движение души рассматриваются как смыслообразующие элементы. Персонаж становится не столько объектом повествования, сколько «текстом», содержащим в себе систему внутренних кодов.

Таким образом, семиотика личности превращается в инструмент анализа судьбы, свободы, ответственности, духовной эволюции и трагизма бытия — категорий, составляющих основание русской философской антропологии.

3.4. Онтология пространства и времени в русской поэтике

Категории пространства и времени в русской литературе обладают не только художественным, но и философским статусом. Их структура определяет характер повествования, систему событий, динамику персонажей, но также — глубинные идеи произведения.

Пространство в русской литературе обычно не является нейтральным фоном; оно выступает символическим компонентом нарратива. Дом, город, дорога, степь, тюрьма, лес — всё это не просто локации, а семиотические узлы, несущие мировоззренческие и ценностные функции. Пространство «говорит», формируя философскую перспективу произведения. [3]

Время — также семиотическая категория. Оно может быть линейным, циклическим, метафизически расширенным или субъективно сжатым. Многие русские тексты структурируют время как модель духовного становления: время становится не механизмом событий, а пространством смысла.

Особенно важна идея «качественного времени», восходящая к религиозной традиции и укоренённая в русской философии: не все моменты равны, некоторые имеют экзистенциальную насыщенность и способны «открывать» глубинный смысл.

Таким образом, пространство и время образуют философско-семиотическую ось русской художественной онтологии.

3.5. Метаязык русской литературы как философская структура

Русская литература вырабатывает своеобразный метаязык — систему концептуальных, символических и культурных кодов, через которые она осмысляет саму себя. Метаязык формируется за счёт взаимодействия:

- религиозно-философских категорий (грех, спасение, преображение, соборность);
- этических оппозиций (правда — неправда, свобода — несвобода);
- онтологических мотивов (свет, тьма, путь, дом);
- культурных кодов (русский пейзаж, народная традиция, социальная драма).

Этот метаязык не является внешним по отношению к тексту — он встраивается в художественную структуру, создавая особую «двойную оптику»: произведение говорит о мире и одновременно о собственных принципах смыслообразования.

Семиотически метаязык функционирует как надстроечная система, обеспечивающая интерпретацию художественного мира. Он позволяет анализировать не только конкретный текст, но и русскую литературу как целостную знаковую систему, где каждая эпоха встраивает свои смыслы в общую структуру культурного кода.

Заключение

Проведённое исследование позволяет выявить внутреннюю взаимосвязь философской поэтики и семиотики как двух ключевых методологических направлений, определяющих специфику русской литературной традиции XIX–XX веков. Анализ художественных форм, символических структур, концептуальных моделей и знаковых систем показывает, что русская словесность развивалась не просто как эстетическая практика, но как сложное пространство философского мышления, где художественный текст выполняет функции онтологической, аксиологической и эпистемологической модели мира.

Философская поэтика в русской литературе проявляется прежде всего в стремлении раскрыть глубинные основания человеческого бытия, выявить духовные и нравственные измерения личности, определить место человека в структуре мира и показать закономерности его внутренней эволюции. В произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Лескова и последующих авторов художественный образ становится формой мысли, сюжет — способом философствования, а слово — носителем духовного содержания. Русская литература не отделяет художественное от мировоззренческого: образная система текста строится как форма познания, а поэтика — как инструмент анализа человеческой судьбы.

Семиотическая перспектива выявляет другую сторону этого процесса: литературный текст понимается как динамическая система знаков, в которой

каждый элемент — символ, метафора, мотив, интертекстуальная отсылка — функционирует в качестве смыслового узла, формирующего многослойную структуру художественного мира. Русская традиция при этом отличается особой «семантической плотностью»: знак не только обозначает предмет, но и раскрывает его духовную, культурную и метафизическую природу. От романтизма и символизма до модернизма и авангарда семиотические механизмы языка становятся главными инструментами смыслообразования, отражая мировоззренческие изменения эпохи.

Объединение философской поэтики и семиотики позволяет построить целостную модель русской литературы как системы духовных, символических и культурных координат. Через понятия интертекстуальности, метафоры, аллегории, полифонии, семантики пространства и времени выявляется особая русская концепция художественности, основанная на глубокой связи слова и смысла, человека и мира, внутреннего и внешнего, явленного и скрытого. Текст рассматривается не как миметическое отражение действительности, а как автономная духовно-интеллектуальная структура, способная моделировать бытие.

Важное место занимает онтология художественного слова: русская литература формирует собственный метаязык — систему культурных, ценностных, философских и символических кодов, через которые осуществляется самоосмысление литературной традиции. Этот метаязык соединяет религиозно-философские идеи, этические категории, культурные архетипы и исторические модели, создавая уникальную концептуальную карту русской художественной мысли.

Таким образом, философская поэтика и семиотика образуют фундаментальные основания русской словесности. Их синтез позволяет раскрыть сложный механизм взаимодействия образа, знака и смысла, увидеть, как художественный текст становится пространством духовного опыта и формой философской рефлексии. Русская литература предстает как особый тип культурного мышления, в котором художественный язык превращается в метафизический инструмент познания, а семиотическая структура — в способ выражения глубоких экзистенциальных истин.

Эти особенности подтверждают уникальность русской литературной традиции и её значимость в мировом контексте: она создаёт собственную модель смыслотворчества, в которой художественное слово становится универсальным языком культуры, философии и духовного поиска.

Библиографический список

1. Антропология Достоевского: человек как проблема и объект изображения / Под ред. Э. Димитрова. Материалы международного симпозиума (София, 23–26 октября 2018). — София: [издательство], 2018. ([ResearchGate](#))
2. Есаулов И. А. Парадфраз и становление новой русской литературы // *Проблемы исторической поэтики*. 2019. Т. 17, № 2. С. 30–66. ([Esaulov](#))

3. Лихачёв Д. С. *Русская культура*. — М.: Иллюминатор, 2022. 432 с. ([Labirint.RU](#))
4. Щупленков О. В. Русский человек // Философская мысль – Nota Bene: журнал гуманитарных исследований. — 2013. № 6. С. 229-292. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.526 ([NB Publish](#))

Оригинальность 75%